

Новые памятники

Скульпторы В. Бородай, В. Зноба, И. Зноба;
Архитекторы А. Малиновский, Н. Скибицкий,
А. Игнащенко.
Проект памятника, посвященного
50-летию Советской власти.
Предполагается установить на площади
Калинина в Киеве.

Виктор Некрасов

ОТ РЕДАКЦИИ

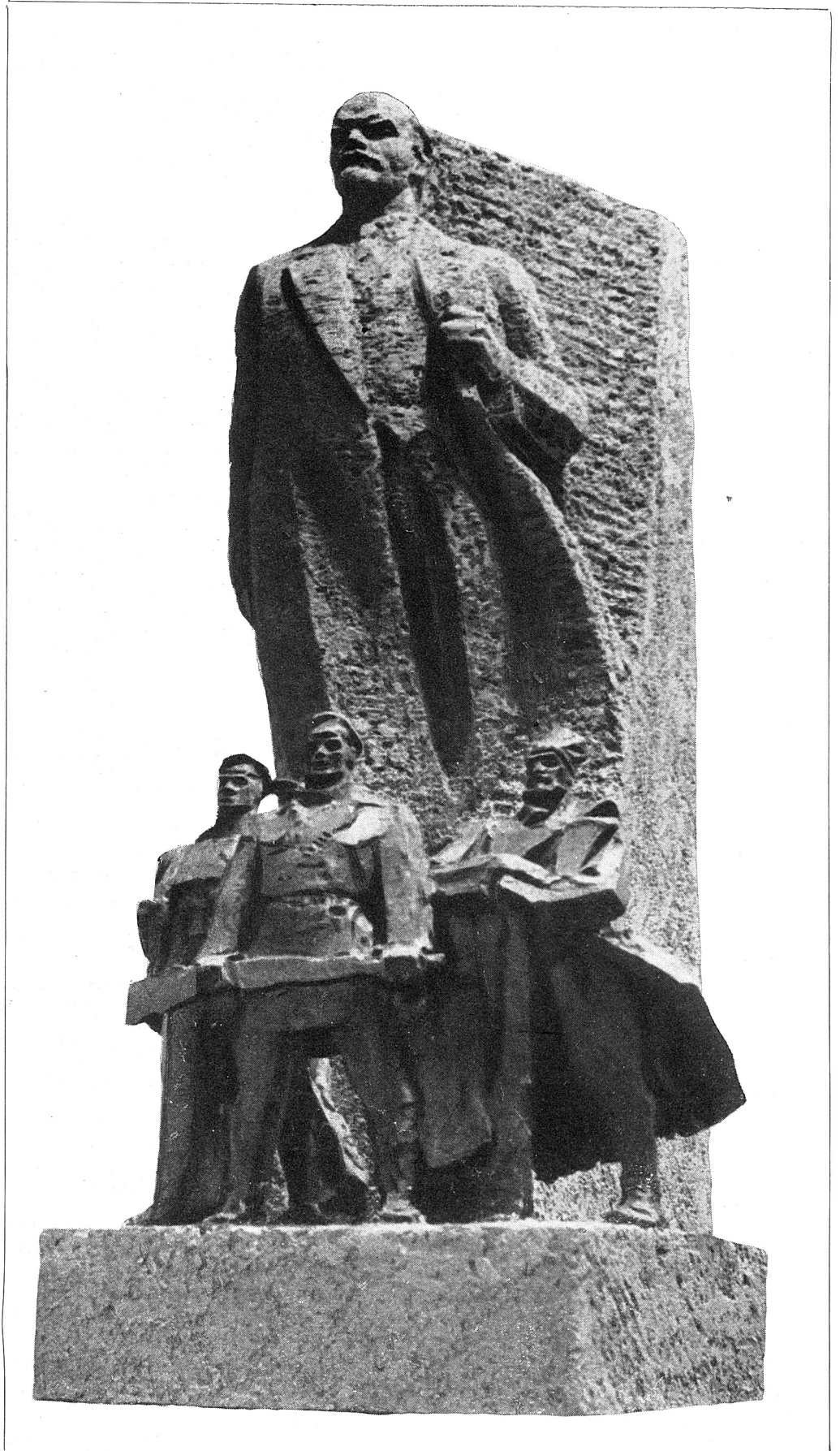
Одним из крупнейших событий культурной жизни Украины было проведение конкурсов на сооружение в столице УССР монумента в честь пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции, памятника советским военнопленным, погибшим от руки фашистских палачей, и памятника жертвам фашизма в Бабьем Яру. Конкурс еще не закончен, но о его значении говорит то, что несколько сот украинских архитекторов, скульпторов, живописцев приняло участие в работе над многочисленными проектами и вариантами. Журнал знакомит читателей с некоторыми проектами, представленными на конкурс. Своими соображениями о том, каким должен быть памятник жертвам фашизма, делится писатель Виктор Некрасов.

Бабий Яр...

Двадцать пять лет прошло с того памятного всем киевлянам дня 29 сентября 1941 года, когда в этом глубоком, на окраине Киева, овраге раздались первые пулеметные очереди. За эти двадцать пять лет успело вырасти новое поколение — для него все происшедшее здесь далекая история, — Бабий Яр замыли — сейчас тут громадный, плоский, поросший бурьяном пустырь, — вокруг выросли дома, целый новый район, и ничто уже не напоминает о трагедии, разыгравшейся на дне этого несуществующего большого оврага. Ни обелиска, ни камня — пустырь... Спросите жителей новостроек, и далеко не всякий скажет вам, что тут когда-то происходило.

Сейчас этому противоестественному забвению как будто пришел конец. Более года тому назад был объявлен и уже прошел (хотя решение еще не принято) конкурс на проект памятника в Бабьем Яру. Вот о нем-то, об этом конкурсе, вернее, о тех мыслях, которые он вызвал, и хочется поговорить.

В программе (речь идет о конкурсе на два памятника — в Бабьем Яру и на месте лагеря военнопленных в Дарнице) сказано: «Монументы должны художественным образом отображать героизм и непреклонную волю нашего народа в борьбе за победу великих идей коммунизма, за честь и свободу Родины, мужество и бесстрашие советских граждан перед лицом смерти от рук немецких палачей, должен показать зверское лицо гитлеровских захватчиков. Монументы должны также выражать всенародную скорбь народа о тысячах незаметных героев, отдавших свою жизнь в годы немецко-фашистской

Художники А. Рыбачук, В. Мельниченко;
архитекторы А. Милецкий, М. Будиловский
Проект памятника жертвам фашизма для
Шевченковского района в Киеве (Бабий
Яр). Первый вариант.

Текст надписи на памятнике.
Автор А. Рыбачук.

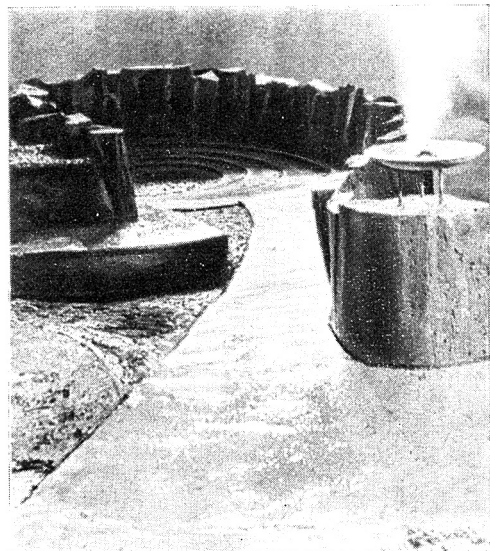
Бабий яр... Одно из чудовищных преступлений,
совершенных на земле. Совершенное фашизмом.

Цепь преступлений: Бабий яр; лагеря смерти
в Европе. Атомный взрыв в Хиросиме...

Авторам не хотелось в изображениях повторять
сцены расстрела и гибели новоооруженных, невинных
и мирных людей, но пластикой создать настроение,
отвечающее ощущениям людей, очутившихся там, —
там гнила жизнь, рушились понятия ... Рушился мир.

Этот памятник — память о мертвых, и на память —
живым: запомнить то, что произошло; не забыть,
чтобы это не могло произойти еще раз.

Вам, павшим не на поле боя и не с оружием в руках,
лишенным возможности защищать и защищаться
вам, погибшим безвинно и бессмысленно
нашим братьям и сестрам, матерям и отцам,
друзьям детства
вам, которых мы не встретили
вашим жизням —
вашей жизни
этот памятник поставили живые —
вашим мыслям
вашим талантам и способностям
ненаписанным книгам
несыграным для нас симфониям
неделанным для нас открытиям
вашей любви
и вашим надеждам
трудам ваших рук, которые мы не успели познать

оккупации». Принимай я участие в конкурсе и прочитай эти условия, я, откровенно говоря, стал бы в тупик. (Я не говорю в данном случае о дарницком памятнике, я говорю именно о Бабьем Яре.) Почему же?

За несколько дней до расстрела по городу расклеены были объявления, в которых «всем жидам города Киева» приказывалось собраться 29 сентября на Лукьяновском базаре, имея при себе ценности и трехдневный запас пищи. И они собрались — в основном старики, старухи и дети, — и их погнали под дулами автоматов в Бабий Яр. И там расстреляли. На следующий день — вторую партию. Потом третью. Официальные документы сообщают о семидесяти тысячах расстрелянных в первые же дни. Место это по-

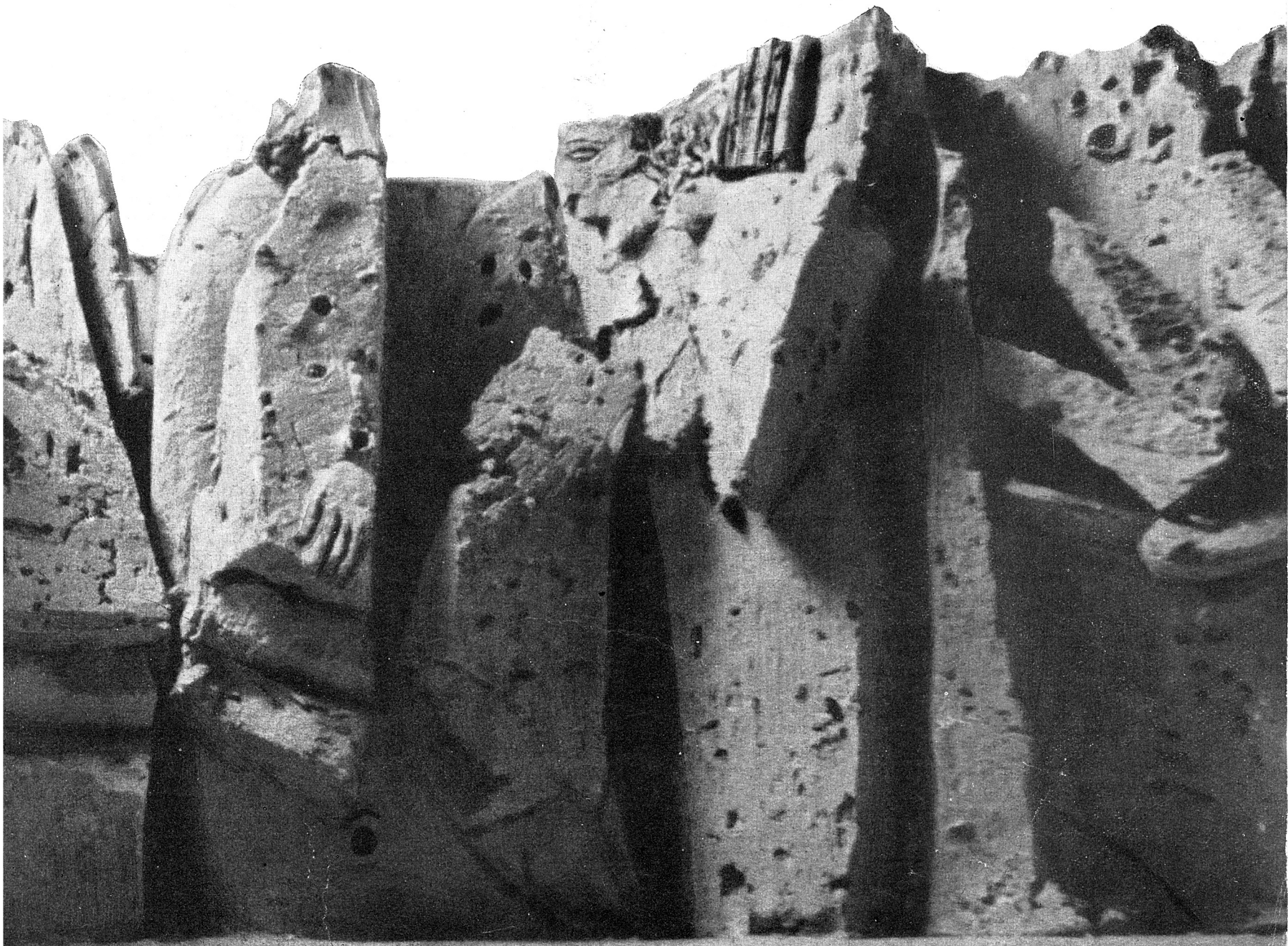
любилось гитлеровцам, и за остальные годы оккупации там было расстреляно еще до тридцати тысяч человек, не считаясь уже с национальностью, без разбора.

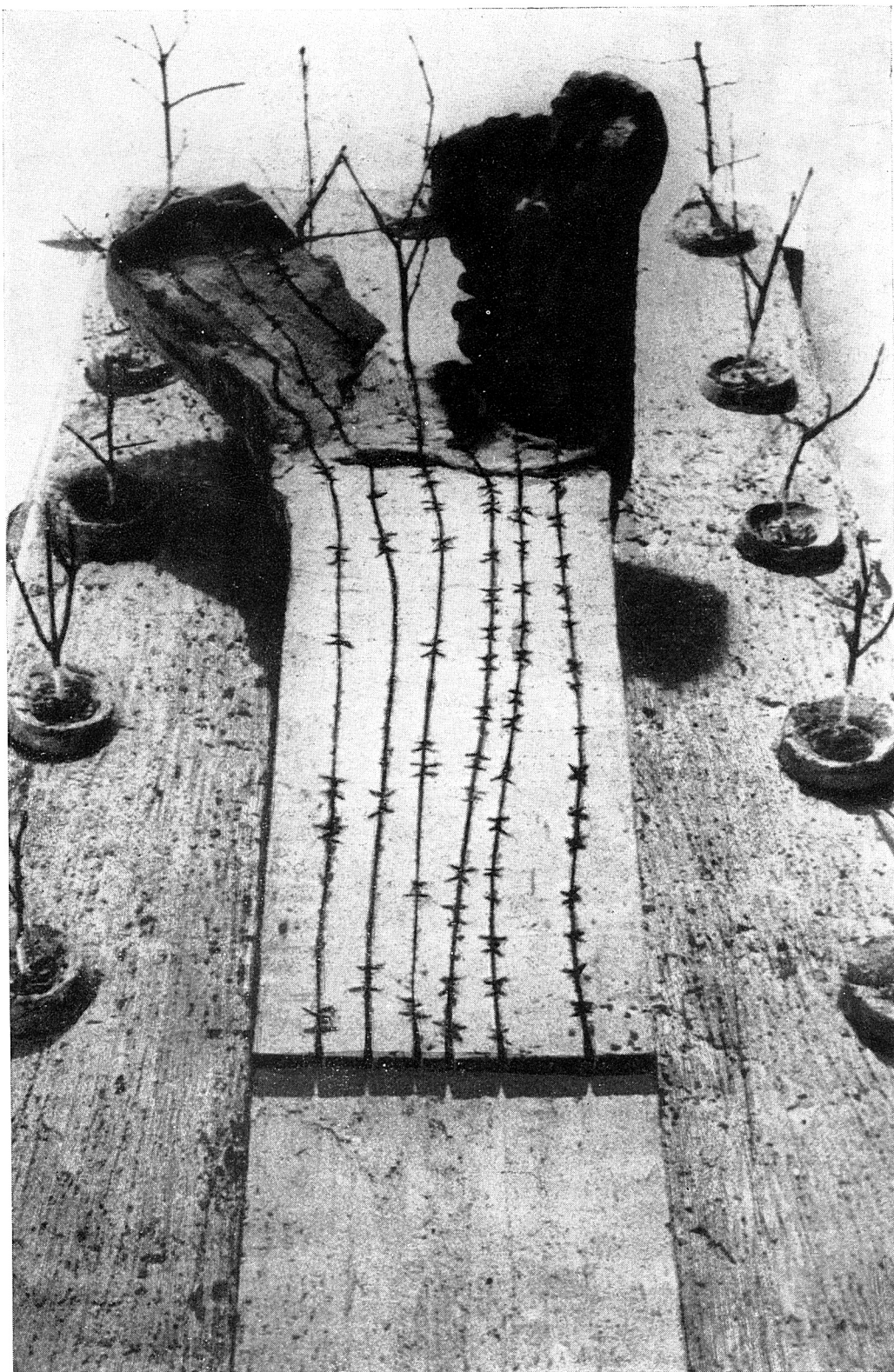
Почему же — возвращаясь к условиям конкурса — они поставили бы меня в тупик? Да потому, что памятник в Бабьем Яру — это памятник не героизму, непреклонной воле, мужеству и бесстрашию, а памятник трагедии беззащитных и слабых. Памятник в Варшавском гетто — это памятник восстанию, борьбе и гибели, в Дарнице — зверски расстрелянным солдатам, бойцам, людям, попавшим в плен сражаясь, людям в основном молодым, сильным. Бабий же Яр — это трагедия беспомощных, старых, к тому же отмеченных особым клеймом. История второй

мировой войны (а значит, и всех войн) не знала столь массового и сжатого срока расстрела.

Я трижды упомянул слово «трагедия». И подчеркнул его. Вполне сознательно. Почему-то мы боимся этого слова. И понятия. А если разрешаем, то обязательно рядом с героизмом и сопротивлением. А если ни того, ни другого не было? А было только варварство, кровь и смерть... Что тогда?

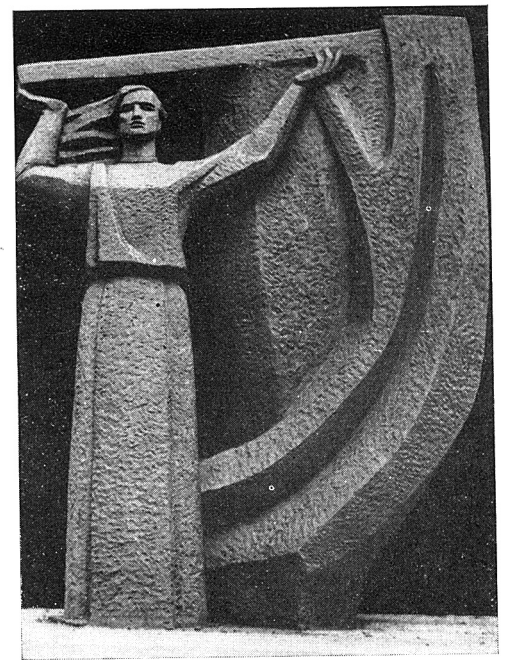
Тогда... И вот тут-то многие из участников конкурса, чувствуя, как трудно втиснуться в прокрустово ложе задания, пошли по другому пути — по пути выражения протеста. «Нет! — говорят их памятники. — Это не должно повториться! Это не может повториться!» Перед нами группы расстреливаемых со сжатыми кулака-

Художники А. Рыбачук, В. Мельниченко; архитектор А. Милецкий, при участии Ю. Жукова. Проект памятника жертвам фашизма для Шевченковского района в Киеве (Бабий Яр). Второй вариант.

Скульпторы И. Коломиец, Г. Хусид; архитекторы А. Штейнберг, Ю. Паскевич. Проект памятника жертвам фашизма для Шевченковского района в Киеве (Бабий Яр).

ми и воздетыми к небу руками, матери и прижавшиеся к ним дети, и опять же руки, вытянутые вперед,—не допустим! Перед нами кричащие все же «нет!» головы. Довольно! Хватит крови!

На первый взгляд в предлагаемом приеме сквозит истина, но, как ни странно, стоя перед этими памятниками, начинаешь чувствовать какое-то смятение, неловкость. Кажется, что это тебе кричат «нет!», что это тебя не подпускают. И ты пятишься назад... Тебе страшно. Вот и хорошо, что страшно, возразят мне, здесь и дела были страшные. Согласен, страшные, но нельзя все же забывать, что здесь, кроме того, и кладбище, а на кладбище как-то не положено кричать, хочется сосредоточиться, уйти в себя, подумать, вспомнить.

И вообще я не хочу, чтоб мне подсказывали мои эмоции. Да еще так прямо, в лоб. Они должны возникнуть сами, без принуждения.

Возникают ли они сами по себе, без нажима, эти эмоции, когда рассматриваешь проекты другой группы памятников (она в меньшинстве) — отвлеченных, так сказать, бесфигурных? Пожалуй, да. Здесь уже другой подход. И разнообразия больше. Изображение тут тоже есть, но оно уже в виде рельефа — высокого или чуть намечающегося, в каких-то отдельных деталях, элементах скульптуры, сливающейся с архитектурой. В принципе же это стены — прямые или в виде громадных спиралей, строгие и ровные или, наоборот, рваные, распадающиеся, точно рушащиеся от бомбежки, иногда это просто

столбы из гранита с намеком на какие-то лица или гигантский факел над обрывом, путь к которому символизирует последний путь людей, идущих на расстрел. Эта группа проектов значительно интересней первой — тут больше мысли, фантазии, я сказал бы даже, чувства. И простора для собственных мыслей дается тебе больше, больше свободы. Многие из памятников хотелось бы увидеть в натуре, так не банально, по-своему они решены. И все же...

Я сознательно не останавливаюсь ни на одном из памятников отдельно — не мое дело и право говорить: «Этот лучше, этот хуже». Мне просто хочется самому разобраться в этом очень сложном вопросе: каким же должен быть памятник в Бабьем Яру? Я посмотрел около тридцати про-

ектов. Передо мной прошли символы и аллегории, протестующие матери, вполне реалистичные, полуголые, мускулистые мужчины, и фигуры более условные, и вереницы идущих на казнь людей... Я увидел лестницы, стилобаты, мозаику, знамена, колючую проволоку, отпечатки ног. Увидел много талантливого, сделанного сердцем и душой (это, пожалуй, один из интереснейших конкурсов, который я видел), и мне стало вдруг ясно: места наибольших трагедий не требуют слов. Дословная символика бледнеет перед самыми событиями, аллегория — бесильна.

Мне, пришедшему сюда поклониться праху погибших, не надо рассказывать, как эти люди умирали. Мне все известно. И кричать за меня: «Нет, мы не допус-

тим!» — тоже не надо. Я сам знаю, где и когда надо крикнуть, а может быть, и не только крикнуть. Я просто хочу прийти и положить цветы на братскую могилу и молча, в одиночестве постоять над ней. Я видел много памятников жертвам фашизма. Плохих и хороших. Кричащих и безмолвных. Но ни один не произвел на меня такого впечатления, как памятник в Трешлинке. Там только камни. Одни камни. Сотни, тысячи камней. Разной величины и формы. Острые, тупые, оббитые, покосившиеся. Одни камни. Точно проросшие сквозь землю. Мороз проходит по коже...

Мне не хочется ничего ни подсказывать, ни предрешать, но, возможно, ближе всего к тому, о чем я говорю, что сам для себя пытаюсь решить, приближается про-

ект памятника неизвестных авторов под девизом «Черный треугольник»: две испалинские призмы, одна чуть-чуть наклонившаяся к другой. Больше ничего. Я не могу объяснить сейчас, в силу чего — а может быть, это и есть самое главное, — но я вдруг, представив себя у подножия этих возвышающихся над всей местностью призм-долменов, услышал, как они, лишенные дара речи, кричат мне о чем-то страшном и незабываемом.

А может, и не кричат, а говорят шепотом. А может, это я сам кому-то говорю:

Остановись и склони голову.

Здесь расстреляны были люди.

Сто тысяч.

Руками фашистов.

Первый залп был дан 29 сентября 1941 года.